

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-221-233>

УДК 81'37

ББК 81-3

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. Л. А. Исаева
г. Краснодар, Россия

© 2022 г. Т. А. Епатко
г. Краснодар, Россия

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ВЕРБАЛИЗАТОРОВ КОНЦЕПТА *КОНЬ/ЛОШАДЬ*: ОБЩЕКУЛЬТУРНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА

Аннотация: Цель данного исследования — выявить лингвокультурную общность и региональную специфику концепта КОНЬ/ЛОШАДЬ на основе анализа структуры и содержания лексико-семантического поля вербализаторов данного концепта. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые диалектные словари кубанских говоров послужили основой для выделения единиц ЛСП вербализаторов концепта КОНЬ/ЛОШАДЬ. Полученные результаты показали, что общекультурный концепт КОНЬ/ЛОШАДЬ — один из актуальных концептов в ретроспективной картине мира русского народа. Для носителя русского языка конь был прежде всего домашним рабочим животным (тягловой силой или транспортным средством), а в связи с этим эмоционально и материально ценностным объектом. На языковом уровне проявилась региональная специфика концепта КОНЬ/ЛОШАДЬ. В картине мира кубанского казачества конь был прежде всего строевым животным. Боевой конь символизировал особое предназначение казачества как военного сословия, основной задачей которого долгое время была охрана государственной границы России. Ценностная составляющая данного концепта была еще более весомой, чем в общерусской картине мира: конь играл огромную роль в жизни казака, а также был показателем его высокого социального статуса.

Ключевые слова: языковая картина мира; концепт; региональная специфика; кубанское казачество; лексико-семантическое поле; вербализатор.

Информация об авторах:

Лидия Алексеевна Исаева — доктор филологических наук, профессор, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, д. 149, 350040 г. Краснодар, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2610-7880>

E-mail: vlisaev@rambler.ru

Татьяна Александровна Епатко — старший преподаватель, Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков им. А. К. Серова, ул. Дзержинского, д. 135, 350090 г. Краснодар, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3844-0410>

E-mail: epatko.t.a@yandex.ru

Дата поступления статьи: 30.05.2021

Дата одобрения рецензентами: 06.07.2021

Дата публикации: 28.09.2022

Для цитирования: Исаева Л. А., Епатко Т. А. Лексико-семантическое поле вербализаторов концепта КОНЬ/ЛОШАДЬ: общекультурная и региональная специфика // Вестник славянских культур. 2022. Т. 65. С. 221–233.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-221-233>

Введение

Концепт КОНЬ/ЛОШАДЬ является одним из значимых концептов для понимания славянской лингвокультуры. В языковой картине мира кубанского казачества этот концепт занимает особое место: и мирная, и военная жизнь казака была тесно связана с конем — его постоянным спутником, помощником и товарищем.

Важным методом исследования концепта считается метод лексикографического описания имени концепта. Одним из приемов такого описания является создание лексико-семантического поля (ЛСП) основного его наименования.

Каждый концепт имеет набор своих вербализованных репрезентантов, или вербализаторов: лексем, фразеологических единиц, свободных словосочетаний, предложений и целых текстов. Вербализующие концепт лексические единицы можно выделить из толковых словарей, а затем путем полевого структурирования систематизировать их семантику, создав ЛСП вербализаторов концепта.

Построение такого поля, анализ его формы и состава позволяют путем определения базовых концептуальных признаков лучше понять структуру и содержание концепта как ментально-вербального образования. Чтобы проанализировать ЛСП вербализаторов концепта, необходимо определить количественный состав ЛСП; частеречную принадлежность образующих его лексических единиц; их распределение по ядерной и периферийной зонам поля; количественный состав и семантику единиц, синонимичных ключевой лексеме, служащей именем концепта (номинативную плотность концепта); семантическую соотнесенность единиц, образующих периферию поля, с центральной точкой — именем концепта. Все эти приемы позволяют выявить основные признаки, составляющие содержательную структуру концепта.

ЛСП вербализаторов концепта может быть основано на данных не только общерусских, но и диалектных словарей, а значит, включать в себя как общекультурный, так и региональный компоненты. В основе статьи лежит гипотеза о том, что построение общекультурного и регионального фрагментов ЛСП концепта КОНЬ/ЛОШАДЬ и их сопоставление позволяет определить региональные особенности общекультурного концепта через выявление специфических этнографических и исторических единиц в составе поля и анализ их семантики.

Материалом исследования послужили 1708 лексических единиц, выделенных из «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля [5], и 498 лексических единиц, выделенных из словарей кубанских говоров: «Опыта словаря кубанских говоров» О. Г. Борисовой [3], «Словаря кубанских говоров» В. М. Пелих, В. И. Андрющенко, Р. Я. Ивановой, Т. Г. Ивановой [11], депонированной рукописи словаря «Русский говор Кубани» под редакцией Е. П. Шейниной и Е. Ф. Тарасенковой [15], словаря П. И. Ткаченко «Кубанский говор» [16], «Словаря говора казачьего населения станицы Отрадной» С. Д. Мастепанова [9].

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**: на основе языковых данных «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля и словарей кубанских говоров построить лексико-семантическое поле вербализаторов концепта КОНЬ/ЛОШАДЬ; описать основные общекультурные концептуальные признаки; выделить региональные концептуальные признаки.

Изучение лексики кубанских говоров в лингвокультурологическом аспекте является **актуальным**, так как способствует реконструкции фрагмента языковой картины мира кубанского казачества, расширяя наши представления об этом субэтносе.

В статье использовались следующие **методы исследования**: метод сплошной выборки и количественной обработки материала, метод полевого структурирования выбранных языковых единиц, анализа их семантики и описания результатов проведенных наблюдений.

Теоретической базой данного исследования стали работы, посвященные проблемам семантического поля Ю. Н. Караулова [8], В. Б. Тюрин [18], Н. А. Илюхиной [7]; диалектологии О. Г. Борисовой [2]; концептологии О. Е. Потаповой [14], А. Е. Петренко [12].

Исследованию ЛСП были посвящены труды таких ученых, как Ю. Н. Караулов [8], Н. В. Артемова [1], В. Б. Тюрин [18] и др. И хотя этот термин до сих пор не имеет однозначного толкования в лингвистике, большинство ученых выделяют следующие характеристики поля: ЛСП — это система связанных между собой семантических единиц; в центре ЛСП — ядерный элемент, связанный со всеми его компонентами; структура ЛСП состоит из ядра и периферии [18, с. 57]. В конце XX – начале XXI вв. в связи с развитием когнитивной лингвистики и лингвокультурологии в лексикологии сформировался взгляд на ЛСП как на фрагмент языковой картины мира, средство вербализации концепта [8, с. 273; 12, с. 23; 14, с. 51].

В данной работе под термином «лексико-семантическое поле» понимается широкое межчастеречное объединение слов с разной категориальной семантикой, связанных общим денотатом, взятым в совокупности его свойств и типовых ситуативных связей. При таком понимании ЛСП «конь/лошадь» представляет собой языковую репрезентацию, языковую проекцию концепта КОНЬ/ЛОШАДЬ.

К вербализаторам концепта КОНЬ/ЛОШАДЬ мы относим его базовые репрезентанты — лексемы *конь* и *лошадь*, а также все лексические единицы, в семантику которых входит сема 'конь', как обязательная, так и возможная, потенциальная: синонимы лексем *конь* и *лошадь*, их дериваты, слова, обозначающие свойства коня, а также различные аспекты человеческой деятельности, связанной с конем.

Критерием включения лексических единиц в ЛСП «конь/лошадь» является «соотнесенность их как средств номинации с конем, его свойствами и отношениями» [7, с. 42], т. е. способность лексем к прямой или метонимической экспликации концепта. Прямо эксплицируют концепт его базовые имена, *конь* и *лошадь*, а также их синонимы. Метонимически эксплицировать концепт могут лексемы, обозначающие действия коня, его свойства, элементы упряжи, и некоторые другие.

Единицами ЛСП являются слова, а точнее лексико-семантические варианты слов (ЛСВ), поскольку в состав данного поля входят и многозначные лексемы, отдельные значения которых включены в разные семантические парадигмы.

ЛСП «конь/лошадь» имеет определенную структуру, в которой выделяются ядро, приядерная часть, ближняя периферия и дальняя периферия. Полеобразующие признаки наиболее ярко проявляются в ядре и снижают свою интенсивность на периферии. Ядро ЛСП включает, как уже было сказано, основные имена концепта — лексемы

конь и *лошадь*, а также их синонимы. Семантика базовых репрезентантов концепта КОНЬ/ЛОШАДЬ, их подробная сопоставительная характеристика на материале наиболее авторитетных в русской и советской лексикографии этимологических и толковых словарей является предметом изучения в статье Т. А. Епатко «Лексическая репрезентация концепта КОНЬ в этимологических и толковых словарях русского языка» [6].

В приядерную зону поля входят дериваты слов *конь* и *лошадь*. Ближнюю периферию составляет лексика, описывающая свойства коня. Дальнюю периферию образует лексика, характеризующая связанную с конем человеческую деятельность.

Построение и анализ общекультурного фрагмента ЛСП «конь/лошадь»

С целью выявления основных признаков общекультурного концепта КОНЬ/ЛОШАДЬ был проанализирован «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, где зафиксирован разнородный лексический состав русского общенационального языка XIX в., в том числе и диалектная лексика, т. е. в контаминированной форме представлены как общекультурная, так и разнообразные региональные составляющие поля. Из этого словаря методом сплошной выборки было извлечено 1708 ЛСВ, из которых: 1019 существительных, 429 глаголов, 230 прилагательных, 25 наречий, 5 междометий.

По данным этого лексикографического издания, ядро ЛСП включает большое количество именовании объекта номинации: основные имена концепта — лексем *конь* и *лошадь*, а также их синонимы (всего 203 ЛСВ), из них дериватов лексем *конь* и *лошадь* — 21 ЛСВ. Столь значительное количество наименований этого домашнего животного является показателем высокой номинативной плотности концепта КОНЬ/ЛОШАДЬ, обусловленной значимостью денотата в действительности XIX в.

Наименования лошади, представленные в словаре В. И. Даля, включают различные семантические признаки, например: биологический отряд (*однокопытник*), родовое название (*скотина*, *животина* и др.), пол (*жеребец*, *кобыла*, *матка* и др.), возраст (*стригун*, *лошняк*, *жеребенок* и др.), физиологические характеристики, в том числе особенности внешнего вида (*мерин*, *гривач*, *белоножка* и др.), порода (*аргамак*, *битюк(г)* и др.), масть (*бурка(о)*, *воронко*, *игренка* и др.), способ хода (*иноходец*, *бегун*, *скакун* и др.), способность развивать скорость побежки (*рысак*, *спотыкала*), степень обезженности (*неук*, *объездок*), (*водовоз*, *дорожняки*, *коренник* и др.), способ упряжки (*пара*, *тройка*, *цуг* и др.) и некоторые другие.

Примечательно, что самую многочисленную группу образуют ЛСВ, именующие коня с точки зрения его назначения (31 ЛСВ). При этом большинство таких ЛСВ (29), а также ЛСВ, называющие упряжки лошадей (15), как и следовало ожидать, обозначают животных, используемых в качестве транспортного средства или тягловой силы, например: *возовик*, *сада*, *четверик*. Сему 'рабочая лошадь' актуализируют также ЛСВ *одер*, *одера*, *одрань*, *неспряга*, *неспряжь*. Сему 'верховая лошадь' включают всего 4 ЛСВ: *фарь*, *подъездок*, *аргамак*, *крымка*. Сема 'боевой конь' в семантической структуре синонимов слов *конь* и *лошадь* в материалах словаря В. И. Даля не выявлена.

Существенную роль коня в жизни человека того времени косвенным образом подтверждают лексические единицы ядерной зоны ЛСП «конь/лошадь», отражающие аксиологический аспект одноименного концепта. Уменьшительно-ласкательные (*конек*, *лошадка*, *жеребчик* и др.), пренебрежительные (*конишка*, *лошаденка*, *клячонка*), шуточные (*возилка*) варианты названий животного выражают неравнодушие и различное отношение к нему человека.

В приядерную зону ЛСП входят дериваты слов *конь* и *лошадь*, характеризующие коня или деятельность человека, связанную с конем (всего 101 ЛСВ). Самые многочисленные группы составляют производные от базовых лексем, обозначающие человека, по роду своей деятельности связанного с конем (33 ЛСВ), в том числе всадника/всадников: *конник*, *конный*, *конница* и др.; того, кто так или иначе обслуживает коней: *конюх*, *конюший*, *коне(о)вод*, *коновал*, *лошевод* и др., а также человека, лишившегося коня: *бесконный*, *бесконничный*, *безлошадный*.

К группе производных лексических единиц, связанных с конем, можно отнести названия или характеристики повозок, устройств, приводимых в движение этими животными: *коноводка*, *конка*, *одноконный* и др. (6 ЛСВ), названия мест содержания коней или упряжи: *конюшня*, *коновязь*, *конепастьба* и др. (9 ЛСВ), названия продуктов коневодства: *лошадина*, *конина* и др. (5 ЛСВ).

Семный анализ рассмотренного материала свидетельствует о том, что границы между структурными частями ЛСП «конь/лошадь» размыты, поскольку многие лексические единицы манифестируют разные семантические признаки. Например, семантика некоторых ЛСВ, называющих человека, по роду своей деятельности связанного с лошадьми, саму такую деятельность или указывающих на то, что относится к человеку и его деятельности, включает также признак «назначение животного». При этом 8 ЛСВ (*конник*, *конница*, *коннопеший*, *коннопионерный* и др.) актуализируют сему 'боевой конь'; 8 ЛСВ (*коновод*, *лошевод* (=хозяин коноводки), *конка* и др.) актуализируют сему 'рабочая лошадь'; 3 ЛСВ (*конеристанье*, *конеристалище*, *конеристалищный*) актуализируют сему 'спортивная лошадь'.

Аксиологический аспект концепта КОНЬ/ЛОШАДЬ отражают ЛСВ, называющие человека, промышляющего воровством лошадей, или его деятельность, вызывающую, как правило, неодобрение: *лошевод*, *коне(е)крад*, *коневор*, *конокрадство*. В этих лексических единицах выражается материальная ценность животного.

Ближнюю периферию ЛСП «конь/лошадь» составляет лексика, характеризующая свойства коня (439 ЛСВ). Самыми многочисленными являются ЛСВ, в лексическое значение которых входят признаки «состояние коня», «болезни коня»: *линка*, *мыт*, *мышьяки*, *обезножить* и др. (89 ЛСВ). Данные лексические единицы реализуют сему 'годность/негодность к работе' и отражают утилитарное, практическое отношение человека к лошади.

Функциональный взгляд человека на коня отражает и лексика, характеризующая животное с точки зрения назначения. Рабочую лошадь, выполняющую роль транспортного или тяглового средства, определяют 5 ЛСВ (*возовой*, *упряжной* и др.), верховую лошадь — 5 ЛСВ (*верховой*, *узданный* и др.), боевого коня — 1 ЛСВ (*боевой*). Сему 'рабочая лошадь' реализуют также лексические единицы, характеризующие роль коня в упряжке (9 ЛСВ).

Словарный материал свидетельствует, что одним из доминантных признаков коня человек считает и признак «способность к движению» (24 ЛСВ). С точки зрения способности к движению, в том числе к быстрому движению, характеризуют коня лексические единицы, обозначающие различные способы хода и бега лошади: *аллюр*, *беж*, *меть* и др. (39 ЛСВ), а также 9 ЛСВ, характеризующие беговые качества коня: *рысистый*, *скаковой*, *борзый* и др. Приведенные цифры подтверждают, что способность коня к движению, особенно к быстрому движению, была одним из важнейших свойств животного, эксплуатируемых человеком в его хозяйственной, спортивной и военной деятельности.

Практическое отношение человека к коню отражает и лексика, характеризующая связанную с этим животным человеческую деятельность и образующая дальнюю периферию ЛСП «конь/лошадь», наиболее объемную по числу представленных лексических единиц (965 ЛСВ). Вся лексика, включенная в дальнюю периферию поля, носит антропоцентрический характер.

Самыми многочисленными являются здесь ЛСВ, называющие человека, по роду своей деятельности связанного с конем: *драгун, жокей, выездчик* и др. (162 ЛСВ). К ним примыкают лексические единицы, называющие деятельность человека, связанную с конем: *гарманованье, гоньба, дужники* и др. (27 ЛСВ), а также обладающие широким значением «относящийся к такому человеку или к такой деятельности»: *корнетский, лихачев, наездников* и др. (27 ЛСВ). Из них сему 'рабочая лошадь' имеют 100 ЛСВ (*ванька, извозчик, ямщичанье* и др.); сему 'верховая лошадь' — 53 ЛСВ (*амазонка, всадник, наездник* и др.); сему 'боевой конь' — 40 ЛСВ (*драгун, кавалерист, эскадрон* и др.); сему 'спортивная лошадь' — 5 ЛСВ (*жокей, ристатель* и др.).

Утилитарное отношение к лошади отражают также ЛСВ, обозначающие продукты коневодства (11 ЛСВ), например, *волосяник* — «род лаптей из конского волоса, хвоста, гривы» [5, т. 1, с. 240].

Широко представлены в зоне дальней периферии ЛСП «конь/лошадь» и лексические единицы, в значении которых присутствует категориальная или потенциальная сема 'движение' (558 ЛСВ). ЛСВ, обозначающие элементы упряжи и сбруи, повозки и устройства, приводимые в движение лошадьми, а также конные состязания, выставки, имплицитно указывают на назначение животного, например, ЛСВ *седло, стремя, арчак* актуализируют сему 'верховая лошадь'; ЛСВ *дуга, борона* реализуют сему 'рабочая лошадь'; ЛСВ *скачка, заезд* — сему 'спортивная лошадь'.

Ценностную составляющую концепта КОНЬ / ЛОШАДЬ отражают такие ЛСВ с отрицательной и положительной коннотацией, как *уводины* (конокрадство), *рысачник* (любитель рысаков), *аргамачник* (любитель аргамаков).

Построение и анализ регионального фрагмента ЛСП «конь/лошадь»

Проекция концепта на систему национального языка охватывает и диалектную лексику. Чтобы выявить регионально-культурную специфику концепта КОНЬ/ЛОШАДЬ, мы обратились прежде всего к «Опыту словаря кубанских говоров» О. Г. Борисовой [3], который отличается значительным объемом словника, а также включает в свой лексикографический дискурс лексические единицы как с украинской, так и с южнорусской языковой основой, которые О. Г. Борисова рассматривает как единую лексико-фразеологическую макросистему [2, с. 10]. В состав поля были включены также ЛСВ, выделенные из «Словаря кубанских говоров» В. М. Пелих, В. И. Андрющенко, Р. Я. Ивановой, Т. Г. Ивановой [11], вобравшего в себя диалектную лексику, собранную в районах восточной части Краснодарского края и извлеченную из произведений кубанских писателей; депонированной рукописи словаря «Русский говор Кубани» под редакцией Е. П. Шейниной и Е. Ф. Тарасенковой [15], отразившего лексику, записанную в станицах, основанных казаками Кавказского линейного войска; авторского словаря П. И. Ткаченко «Кубанский говор» [16], вобравшего лексику западной и юго-западной части Кубани; «Словаря говора казачьего населения станицы Отрадной» С. Д. Мастепанова [9]. Лексика, представленная в этих словарях, хотя и была собрана во второй половине XX – начале XXI вв., но сопоставима, по нашему мнению, с языковым материалом словаря В. И. Даля, ведь диалектная лексика отражает, скорее, не актуальную, а ретроспективную картину мира кубанского казачества. Из перечисленных

словарей было выделено 497 ЛСВ разных частей речи, из них: 355 существительных, 80 глаголов, 41 прилагательное и причастие, 15 наречий, 6 междометий. 227 диалектных ЛСВ присутствуют в словаре В. И. Даля, 70 ЛСВ отмечены в словаре В. И. Даля, но в кубанских говорах приобрели другое значение, 203 ЛСВ в словаре В. И. Даля не обнаружены.

ЛСВ, называющие коня по таким признакам, как пол (*лошака, кобыляка*), возраст (*лошак, кунан, четвертак* и др.), родовое название (*худобынка, живность* и др.), порода (*дончак, маштак*), время рождения (*осенник*), помесь лошади с ослом (*катрук*), назначение (*коняка, конячка, глудун, строевик*), состояние (*задохлик, невоз* и др.), множество лошадей (*конва*), повышают номинативную плотность концепта КОНЬ.

Лексика кубанских говоров пополнила ЛСП «конь/лошадь» также лексическими единицами, включающими признаки: масть (*мурый, яблуквый* и др.); характерные внешние признаки коня (*мслаковатый*); части тела (*пыка, ганаши, живец* и др.); болезни, состояние (*клищук, опрокинуться, лэчэ(е)ный* и др.); биологические и психофизиологические свойства (*строгий, вылэкчэный, комызыстый* и др.); издаваемые звуки (*реготать, чмых* и др.); поведение (*затки, бзыкать, выбрык* и др.); движение коня (*выбрыкавать, тюпачить, тепать*); способы хода и бега коня (*вынород, рысца, навска(о)к* и др.); особые позы коня (*дыбки, гопки*); беговые или тягловые качества (*ездальй, жвавий*) и некоторые другие.

Кроме того, в кубанских говорах есть особые слова, называющие лошадь в зависимости от физиологических особенностей (*нежеречь, конек*), роли на скачках (*передок*), слово, называющее коня в разговоре с детьми (*кося*).

Наряду с лексическими единицами, характеризующими коня по уже указанным признакам, диалектные словари позволяют выделить особый пласт лексики, который составляют слова, отражающие различные аспекты военной службы казаков (68 ЛСВ). Все они содержат в своей семантической структуре обязательную или потенциальную сему 'боевой конь'. Эта сема присутствует уже в семантике самого слова — *казак*. По определению В. И. Даля, казак — это «войсковой обыватель, поселенный воин, принадлежащий к особому сословию казаков, легкого конного войска, обязанного служить по вызову на своих конях, в своей одежде и вооружении. Есть и пешие казаки» [5, т. 2, с. 72], т. е. казак — это прежде всего конный воин. В кубанских говорах есть особые лексемы, обозначающие казака-пехотинца: *пластун, сэрдюк*, а также устойчивое сочетание *пеший казак*. Как правило, в пехотных батальонах служили бедные казаки, которые не могли приобрести строевого коня. Однако именно строевой конь символизировал избранность, высокий социальный статус казака, его принадлежность к благородному военному сословию. По мнению историка О. В. Матвеева, такие представления уходили своими корнями во времена рыцарской конницы, когда пехотинец, в отличие от всадника, и воином не считался [10, с. 141]. Поэтому в системе координат 'свой — чужой' конь был для казака-воина не просто важным — центральным образом своего мира [4, с. 112].

Военная лексика кубанских говоров дифференцируется по следующим признакам:

- «конный(-ые) воин(-ы)»: *есаул, подьесаул, хорунжый, подхорунжый, вахмистр, прапорщик, приказный, уряднык, сотник, линейец, чорноморци, кубанцы, конвоец, значковый, джура, дэйнэки, сотня, делибаши, розвист* и др.;
- «служить в казачьих полках»: *казаковать*;
- «казачьи воинские регалии»: *клейноты, бунчук, значок*;
- «вспомогательные средства, которыми пользовались казаки-конники»: *салы*;

- «связанный с конем обряд»: *постриг, пострижэнье*. Это старинный обряд, который назывался также «Посаждение на коня»: мальчика, которому исполнялся год, в казачьей семье было принято впервые сажать на коня [17, с. 54–60];
- «казачья воинская экипировка»: *справа*. Существительное *справа* является дериватом диалектного глагола *справлять/справи(ы)ть*, имеющего значение «экипировать»: *Када козак шол на службу, йиго нада была справлять. Казаку нада была каня, и башлык, и бурку*» [3, с. 397]. Синонимом ЛСВ *справа* являются лексемы *докматы, прыча(и)ндалы*. Слово *справка* обозначает как казачье снаряжение, так и процесс сборов казака на службу. *Справа* несла глубокое ценностное содержание: она была свидетельством готовности казака к его главному предназначению — военной службе. *Справа* включала казачий мундир (черкеску), оружие (шашку и кинжал) и, конечно, боевого коня, который являлся обязательным атрибутом полноценного воина [10, с. 140–141]. Боевой конь в кубанских говорах имел особое название — *строевик*. На высокий военный статус указывала и длинная черкеска конного казака — к короткой черкеске пластуна относились презрительно, она не считалась «настоящей» [10, с. 146]. Элементы казачьей *справы* обозначают ЛСВ с семой ‘казачья форма’: *черкеска, бекирка, газыри, бурка, кубанка* и др.; с семой ‘холодное оружие’: *рубач, сабель, табля, шашка* и др.

Большинство диалектных ЛСВ, включающих указанные признаки, можно отнести к этнографизмам-локализмам (термин О. Г. Борисовой). Под этнографизмами-локализмами автор понимает этнографизмы, которые обозначают «предметы, характерные для определенной местности или для определенного сообщества людей (в нашем случае таковым является казачество в целом)» [2, с. 274]. К таким этнографизмам-локализмам ученый относит, например, слова *нагайка, кубанка, шаровары, шашка* и др. [2, с. 274]. Считаем, что этнографизмами-локализмами являются и такие лексические единицы, как *бурка, бешимет, кинджал (гинджал, г(ч)инжал)* и др.

С этнографизмами-локализмами тесно сближаются включенные в диалектные словари историзмы — слова литературного языка, вышедшие из употребления в связи с исчезновением обозначаемых ими реалий: *делибаши* («в старой Турции конный воин» [16, с. 106]), *сотня* («шестая часть казачьего конного полка» [16, с. 239]), *чепеги* — «холодное ударное оружие конных казаков в старое время» [16, с. 266]. Все описанные этнографизмы-локализмы и историзмы отражают особенности военной жизни казачьего сословия.

Можно предположить, что в кубанские диалектные словари вошла далеко не вся специфическая военная лексика казаков: материал для этих словарей собирался во второй половине XX – начале XXI вв., когда большинства мужчин, когда-то служивших в казачьих полках, уже не было в живых. Хотя информантами диалектной лексики нередко были женщины (О. Г. Борисова в предисловии к своему словарю называет их фамилии [3, с. 3]) лексика, представленная в диалектных словарях, довольно полно отражает военную специфику концепта КОНЬ/ЛОШАДЬ в казачьей картине мира.

«Следы» такой лексики можно отыскать и в художественной литературе, исторических источниках, исторических исследованиях. Например, в монографии О. В. Матвеева «Историческая картина мира кубанского казачества (конец XVIII – начало XX в.): категории воинской ментальности» присутствуют лексемы, включающие следующие признаки: подготовка коня для службы (*вольтижировка, джигитовка*); элементы казачьего обмундирования (*папаха, тумак, тужурка, напатронники*); названия казаков, служивших в конных полках, а также названия воинских подразделений (*хоперцы, хопры, кавказцы, урупцы, полтавцы, таманцы, лабинец, закаспиец, сотенный, полу-*

сотня), приемы и способы ведения боя казаками-конниками (*лава, мельница, рубка, рубиться, рубать*) [10, с. 141–179]. Все эти слова, к сожалению, отсутствуют в словарях кубанских говоров.

Особенности мирного быта казаков отразились в таких зафиксированных в словарях этнографизмах-локализмах интересующей нас тематики, как: *щитына* — «сапожная нить из конского волоса» [16, с. 278], *кирпич (кырпыч)* — «сухой коровий или конский навоз, используемый как топливо» [3, с. 171], *доливка* — «смесь из глины, воды и коровьего или конского навоза для покрытия земляного пола» [11, с. 67]. Деревянные постройки на Кубани, где леса было мало, встречались редко, основным строительным материалом была глина, смешанная с соломой и навозом, часто конским [13, с. 13]. Отпливались казачьи хаты, за отсутствием дров, также часто высохшим конским навозом.

Некоторые лексические единицы ЛСП «конь/лошадь», извлеченные из словаря В. И. Даля, в составе кубанских говоров приобрели иное значение. Например, существительное *лошак* в словаре В. И. Даля толковалось как «полуконь, животное от осла и кобылы» [5, т. 2, с. 248], а в словаре О. Г. Борисовой обозначает жеребенка по первому, второму или третьему году [3, с. 219].

Региональный фрагмент ЛСП «конь/лошадь» образуют и такие ЛСВ, в семантику которых, по данным словаря В. И. Даля, сема 'конь' не входит: согласно словарю В. И. Даля, *юбка* — это «часть женской одежды» [5, т. 4, с. 687], а в кубанских говорах *юбка* — это еще и «часть конской упряжи, шлея» [3, с. 477].

В то же время кубанские говоры сохранили ЛСВ, включенные в словарь В. И. Даля, но затем вышедшие из употребления в общенациональном языке: *конячий, лошадина, лоша, выпряг* и др. В говорах эти архаичные слова литературного языка «в большинстве своем лишены оттенка устарелости» [2, с. 272]. Данные лексические единицы употребляются в кубанских говорах не только в прямом, но и в переносном значении, например: *зануздать* — «1. Надеть узду на лошадь. 2. (Перен.) держать кого-либо в зависимости, подчинении» [11, с. 89]. Метафоризироваться могут и другие диалектные единицы поля: *гужывать* — «заниматься извозом» [9, с. 33] и «гулять, устраивать застолье, пьянствовать» [11, с. 58]. Приведенные языковые акты убеждают в том, что ассоциативный потенциал объекта действительности — коня — и связанных с ним характерных действий, ситуаций используется в кубанских говорах для номинации других реалий, действий, ситуаций, а это, в свою очередь, свидетельствует о ценностном отношении кубанских казаков к коню.

Заключение

Итак, в результате исследования нами построено поле вербализаторов общекультурного концепта КОНЬ/ЛОШАДЬ, выявлены особенности организации этого ЛСП, позволяющие сформулировать основные признаки понятийной составляющей общекультурного концепта: конь — это прежде всего рабочее животное (тягловая сила или транспортное средство); животное, предназначенное для верховой езды; боевое животное; животное, предназначенное для спортивных соревнований; животное, способное к движению; животное, годное/негодное для использования. Такой функционально ориентированный взгляд человека на лошадь как на необходимого участника военной, спортивной, но, главным образом, трудовой, хозяйственной деятельности человека обуславливает антропоцентрический характер поля в целом, т. е. в основе поля вербализаторов общекультурного концепта КОНЬ/ЛОШАДЬ лежит принцип антропоцентризма: конь описывается через восприятие его человеком, а в связи с конем подробно характеризуется и сам человек.

Анализ структуры ЛСП «конь/лошадь», лежащего в основе соответствующего концептуального поля, показал также, что общекультурный концепт КОНЬ/ЛОШАДЬ — один из актуальных концептов в ретроспективной картине мира русского народа. В прошлом он был актуальным, ценностно значимым и коммуникативно востребованным. Обо всем этом свидетельствует высокая номинативная плотность концепта, отразившаяся в подробной детализации наименований лошади. Конь был одним из главных животных, участвовавших в жизни человека, поэтому так обширна лексика, не только именующая коня, но и описывающая его различные биологические, психофизиологические свойства, его поведенческие реакции, оттенки его физического состояния, болезни.

Лексические единицы поля отражают аксиологический аспект концепта: конь был для человека и эмоционально, и материально ценностным объектом.

В русской культуре концепт КОНЬ/ЛОШАДЬ относится к сформировавшимся концептам, которые служат источником вторичной номинации, метафоризации, обогащающей содержание других концептов.

Фрагмент ЛСП «конь/лошадь», построенный на основе языкового материала, извлеченного из словарей кубанских говоров, дает возможность увидеть концептуальные признаки, не зафиксированные в словаре В. И. Даля, вобравшем в себя значительную часть диалектной лексики русского языка.

Лексические единицы, выделенные из словарей кубанских говоров, разносторонне характеризуют как свойства коня, так и различные аспекты человеческой деятельности, связанной с этим животным. Диалектная кубанская лексика повышает номинативную плотность концепта КОНЬ/ЛОШАДЬ и его метафорическую диффузность. Анализируя кубанский диалектный фрагмент поля, можно сделать вывод, что ценностная составляющая концепта КОНЬ/ЛОШАДЬ в картине мира кубанского казачества была очень весомой: конь, сопровождавший казака от рождения до самой смерти, играл огромную роль в его жизни.

Данные словарей кубанских говоров свидетельствуют и о том, что на языковом уровне проявляется также специфика понятийного компонента концепта в казачьей языковой картине мира: кубанские этнографизмы-локализмы и историзмы содержат в своей семантической структуре сему 'боевой конь' и отражают высокий социальный статус, особое предназначение и специфику военной жизни казачества как служилого сословия, основной задачей которого долгое время была охрана государственной границы России.

Перспективным является дальнейшее исследование лексической репрезентации концепта КОНЬ/ЛОШАДЬ в кубанском казачьем фольклоре, что позволит смоделировать его полевую структуру и определить значимость в региональной картине мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Артемова Н. В.* Особенности полевой структуры лексики современного русского языка: на примере глаголов лишения: дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 212 с.
- 2 *Борисова О. Г.* Лексика и фразеология современных кубанских говоров как макросистема: модель и ее реализация: дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2018. 609 с.
- 3 *Борисова О. Г.* Опыт словаря кубанских говоров. Краснодар: Изд-во КубГУ, 2018. 485 с.
- 4 *Бурдун С. В.* Лексическая репрезентация концепта КАЗАК, представляющего мужскую субкультуру «своего мира» в контексте кубанской фразеологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 11. С. 109–114.

- 5 *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб.: Изд-во М. О. Вольфа, 1880. Т. 1. 723 с. СПб.: Изд-во М. О. Вольфа, 1881. Т. 2. 807 с. СПб.: Изд-во М. О. Вольфа, 1882. Т. 3. 576 с. СПб.: Изд-во М. О. Вольфа, 1882. Т. 4. 704 с.
- 6 *Епатко Т. А.* Лексическая репрезентация концепта КОНЬ в этимологических и толковых словарях русского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 3. С. 213–217.
- 7 *Илюхина Н. А.* Метафорический образ в семасиологической интерпретации. М.: Флинта, Наука, 2010. 320 с.
- 8 *Караулов Ю. Н.* Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976. 263 с.
- 9 *Словарь говора казачьего населения станицы Отрадной Краснодарского края / сост. С. Д. Мастепанов. Армавир; Отрадная: Изд. В. Е. Шурыгин, 2013. 192 с.*
- 10 *Матвеев О. В.* Историческая картина мира кубанского казачества (конец XVIII – начало XX вв.): категории воинской ментальности. Краснодар: Кубанькино, 2005. 418 с.
- 11 *Пелих В. М., Андриященко В. И., Иванова Р. Я., Иванова Т. Г.* Словарь кубанских говоров. Армавир: РИЦ АГПУ, 2009. 264 с.
- 12 *Петренко А. Е.* Семантические поля в романах Кретьена де Труа как репрезентация фрагментов языковой картины мира средневекового человека: дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 242 с.
- 13 *Попко И. Д.* Черноморские казаки. М.: Вече, 2009. 441 с.
- 14 *Потапова О. Е.* Вербальная репрезентация концепта. Лексико-семантическое поле как фрагмент языковой картины мира (на материале ЛСП «море»). Чебоксары: ИД «Среда», 2020. 164 с.
- 15 *Русский говор Кубани: Словарь / под ред. Е. П. Шейниной и Е. Ф. Тарасенковой // Деп. В ИНИООН РАН. 1992. № 47266. 415 с.*
- 16 *Ткаченко П. И.* Кубанский говор. Опыт авторского словаря. Краснодар: Традиция, 2008. 288 с.
- 17 *Ткаченко П. И.* Кубанские обряды. Краснодар: Традиция, 2010. 224 с.
- 18 *Тюрин В. Б.* Лексико-семантическое поле «Родина» в лирике Н. М. Рубцова: дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2017. 211 с.

***

© 2022. **Lidiya A. Isayeva**
Krasnodar, Russia

© 2022. **Tatiana A. Yepatko**
Krasnodar, Russia

**LEXICAL SEMANTIC FIELD OF VERBALIZERS
OF THE CONCEPT “HORSE/MARE”:
GENERAL CULTURAL AND REGIONAL SPECIFICS**

Abstract: The aim of study is to reveal the common linguocultural character and regional peculiarities of the concept “horse” by analyzing the structure and content of the semantic field of this concept’s verbalizers. The novelty of the research is due to the

fact that we have used the dictionaries of local dialects of the Kuban region as a source of lexical items — verbalizers of the semantic field of the concept “horse”. The results obtained show that the general cultural concept “horse” is one of the significant concepts in a retrospective picture of the world of the Russian people. For native speakers, horse was mainly a domestic animal — used for field work or transportation — and, therefore, an emotionally and materially valuable object. At the language level, we could reveal the regional specific character of the concept “horse”. For the Kuban Cossacks a horse was a charger. The charger was a symbol of the military character of Cossacks as the service class whose main duty was to stand guard over the state borders of Russia. The value constituent of the concept was even more significant than in the all-Russian language picture of the world — a horse was of great importance in a Cossack’s life and indicated a high social status.

Keywords: language picture of the world, horse, concept, regional peculiarities, Kuban Cossacks, lexical semantic field, verbalizer.

Information about the authors:

Lidiya A. Isayeva — DSc in Philology, Professor, Kuban State University, Stavropolskaya St., 149, 350040 Krasnodar, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2610-7880>

E-mail: vlisaev@rambler.ru

Tatiana A. Yepatko — Senior Lecturer, The A. K. Serov Krasnodar Air Force Institute for Pilots, Dzerzhinskogo 135, 350090 Krasnodar, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3844-0410>

E-mail: epatko.t.a@yandex.ru

Received: May 30, 2021

Approved after reviewing: July 06, 2021

Date of publication: September 28, 2022

For citation: Isaeva L. A., Yepatko T. A. Lexical Semantic Field of Verbalizers of the Concept “Horse/Mare”: General Cultural and Regional Specifics. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 65, pp. 221–233. (In Russian)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-221-233>

REFERENCES

- 1 Artemova N. V. *Osobennosti polevoi struktury leksiki sovremennogo russkogo iazyka: na primere glagolov lisheniia* [Peculiarities of the Field Structure of Words of the Modern Russian Language as Illustrated by the Verbs of Deprivation: PhD Dissertation]. Moscow, 2000. 212 p. (In Russian)
- 2 Borisova O. G. *Leksika i frazeologiya sovremennykh kubanskikh govorov kak makrosistema: model' i ee realizatsiia* [Lexical and Phraseological Items of The Modern Kuban Dialects as a Macrosystem: Model and Realization: DSc Dissertation]. Krasnodar, 2018. 609 p. (In Russian)
- 3 Borisova O. G. *Opyt slovaria kubanskikh govorov* [An Attempt of the Kuban Dialects Dictionary]. Krasnodar, KubGU Publ., 2018. 485 p. (In Russian)
- 4 Burdun S. V. *Leksicheskaia reprezentatsiia kontsepta KAZAK, predstavliaiushchego muzhskuiu subkul'turu “svoego mira” v kontekste kubanskoii frazeologii* [Lexical Representation of the Concept COSSACK Presenting the Male Subculture of the “Own World” in the Context of the Kuban Phraseology]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2020, vol. 13, issue 11, pp. 109–114. (In Russian)

- 5 Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka: v 4 t.* [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. St. Petersburg, Izdatel'stvo M. O. Vol'fa Publ., 1880. Vol. 1. 723 p. St Petersburg, Izdatel'stvo M. O. Vol'fa Publ., 1881. Vol. 2. 807 p. St. Petersburg, Izdatel'stvo M. O. Vol'fa, 1882. Vol. 3. 576 p. St. Petersburg, Izdatel'stvo M. O. Vol'fa Publ., 1882. Vol. 4. 704 p. (In Russian)
- 6 Epatko T. A. Leksicheskaia reprezentatsiia kontsepta KON" v etimologicheskikh i tolkovykh slovariakh russkogo iazyka [Lexical Representation of the Concept KON' (HORSE) in Etymological and Explanatory Dictionary of the Russian Language]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2019, vol. 12, issue 3, pp. 213–217. (In Russian)
- 7 Iliukhina N. A. *Metaforicheskii obraz v semasiologicheskoi interpretatsii* [Metaphorical Image in Semasiological Interpretation]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2010. 320 p. (In Russian)
- 8 Karaulov Iu. N. *Obshchaia i russkaia ideografiia* [General and Russian Ideography]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 263 p. (In Russian)
- 9 *Slovar' govora kazach'ego naseleniia stanitsy Otradnoi Krasnodarskogo kraia* [The Dictionary of the Cossacks Population Dialect of Stanitsa Otradnaya], comp. by S. D. Mastepanov. Armavir, Otradnaia: Izdatel' V. E. Shurygin Publ., 2013. 192 p. (In Russian)
- 10 Matveev O. V. *Istoricheskaiia kartina mira kubanskogo kazachestva (konets XVIII – nachalo XX vv.): kategorii voinskoj mental'nosti* [Historical Picture of the world of the Kuban Cossacks (the end of 18th century – the beginning of the 20th century) — the Categories Military Mentality]. Krasnodar, Kuban'kino Publ., 2005. 418 p. (In Russian)
- 11 Pelikh V. M., Andriushchenko V. I., Ivanova R. Ia., Ivanova T. G. *Slovar' kubanskikh govorov* [The Kuban Dialects Dictionary]. Armavir, RITs AGPU Publ., 2009. 264 p. (In Russian)
- 12 Petrenko A. E. *Semanticheskie polia v romanakh Kret'ena de Trua kak reprezentatsiia fragmentov iazykovoi kartiny mira srednevekovogo cheloveka* [Semantic Fields in the Novels of Chrétien de Troyes as the Representation of Fragments of the Language Picture of the World of the Medieval Man: DSc Dissertation]. Moscow, 2016. 242 p. (In Russian)
- 13 Popko I. D. *Chernomorskie kazaki* [Black Sea Cossacks]. Moscow, Veche Publ., 2009. 441 p. (In Russian)
- 14 Potapova O. E. *Verbal'naia reprezentatsiia kontsepta. Leksiko-semanticheskoe pole kak fragment iazykovoi kartiny mira (na materiale LSP "more")* [Verbal Representation of a Concept. Lexical Semantic Field as a Fragment of the Language Picture of the World (As Illustrated by the LSF "sea")]. Cheboksary, ID "Sreda" Publ., 2020. 164 p. (In Russian)
- 15 *Russkii govor Kubani: Slovar'* [Russian dialect of the Kuban Region: Dictionary], ed. by E. P. Sheinina, and E. F. Tarasenkova. *Dep. V INIOON RAN*. 1992. No 47266. 415 p. (In Russian)
- 16 Tkachenko P. I. *Kubanskii govor. Opyt avtorskogo slovaria* [Kuban dialect. An Attempt of an author's Dictionary]. Krasnodar, Traditsiia Publ., 2008. 288 p. (In Russian)
- 17 Tkachenko P. I. *Kubanskii obriady* [The Kuban Rites]. Krasnodar, Traditsiia Publ., 2010. 224 p. (In Russian)
- 18 Tiurin V. B. *Leksiko-semanticheskoe pole "Rodina" v lirike N. M. Rubtsova* [The Lexical Semantic Field "Motherland" in N. M. Rubtsov's Lyric Poetry: DSc Dissertation]. Nizhnii Novgorod, 2017. 211 p. (In Russian)